

не менее не являются неразрывными. Если бы это явление было „лингвистическим“ — языковым (в узком смысле), то оно выступало бы в таком виде в языке или в отдельных говорах в целом, а не только в устной поэзии. Синонимические пары — художественное средство, которое прекрасно осознается и до сих пор является продуктивным.

Когда синонимическая пара оказывается поставленной в косвенном падеже с предлогом, то предлог стоит перед каждым из компонентов, и ослабленное ударение одного из них опять становится полным:¹ „пьют едят прохлаждаются *во веселье в радости*“, К. Д. 124; „молоду Касьяну поклоняетца *бестыда без сору*“, К. Д. 99; „с *няньками с мамками* и с сеньными красными девицами“, К. Д. 99; „*во тою путй во доробыженьки*“, Гильф. 575; „*что за чудо за диво* великое“, Шейн 1284 и т. д. То же самое происходит и в отношении глагольных пар, когда перед глаголами оказывается отрицание „не“ или усилительная частица „ни“: „ко мне *не ходишь не жалуешь*“, Квашн. VII, 928;² „*не двинули ни крянули* ни черным волосом“, Сим. Ск., 23;³ „*нигде не мешкал не стоял*“, К. Д. 91; „*не шатаютца не матаютца*“, К. Д. 142; „про то ты веть *не знаешь не ведаешь*“, К. Д. 24; „да как-то мне *не драться не ратиться*“, Гильф. 245 и т. д.

Кроме синонимических пар, где компоненты стоят рядом, без союзов, в устной поэзии (во всех жанрах) часты синонимические пары, соединенные союзами „и“, „да“, причем роль этих союзов значительно отличается от обычной их роли в современном литературном языке (соединительной и присоединительной), так как и в этих парах основанием для постановки рядом является совпадение значения, а не расхождение. Стилистическая функция синонимических пар, подчеркиваемая союзами „да“ и „и“, заключается в усилении значения, в подъеме его, тогда как в бессоюзных сочетаниях главное — в уточнении, взаимоограничении (тем самым тоже в усилении значения, но не путем подъема, а путем ограничения).⁴ Чтобы это положение было более убедительным, приведем несколько примеров из различных жанров устной поэзии в записях XIX в. „Вы *поеште да покушайте*, Вы любезны, милы дядевья“, Шейн 1629; „Вы на что, мои родители, *рассердились да разгневались*“, Шейн 1663;

¹ Даже в том случае, когда предлог представляет собой только одну согласную: в, с, к.

² М. Н. Сперанский. Из материалов для истории устной песни. Изв. АН СССР, ООИ, 1932, № 10, стр. 928.

³ П. К. Симоны. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII ст., вып. 1. Сказание о киевских богатырях. Пгр., 1922, стр. 23. Крянуть — тронуть, двинуть (северно-русские говоры).

⁴ Союз „да“ выступает в качестве усилительного и в других положениях (например в атрибутивных сочетаниях: „расцветет... все цветами-то *да* все алыми“, „с чужой-то дальней сторонюшки, со злодейки *да* незнакомья“, или между подлежащим и сказуемым, между зависимыми, управляемыми словами: „как на это *да* тепло местечко, где стояла *да* тепла паруша, я покину *да* бел-горюч камень“. Кириевский. Новая серия, вып. 1, М., 1911, стр. 38.